

Религиоведение. 2024. № 2. С. 167–178.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 2. P. 167–178.

DOI: 10.22250/20728662_2024_2_167

Мухаметзарипов И.А.¹, Гафиятуллина И.Р.²

^{1,2} Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан

^{1,2} 420111, Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36а

¹ muhametzaripov@mail.ru; ² gafiyatulla13@gmail.com

Нормативно-институциональные предпочтения мусульман Дагестана и Татарстана: религиозное урегулирование конфликтов

Аннотация. Практики религиозного урегулирования конфликтов среди верующих сохраняют свою актуальность в условиях современного общества и светского государства. При помощи метода анкетирования нами была проанализирована востребованность религиозных институтов разрешения споров среди мусульман Дагестана и Татарстана с учётом региональных особенностей мусульманских сообществ: этнорелигиозный состав, традиции и отношение к религии, социально-экономическая ситуация, уровень урбанизации. По результатам опросов было выявлено следующее: 1) в Дагестане значительно чаще для урегулирования споров выбираются религиозные институты, тогда как в Татарстане ввиду снижения роли традиционных институтов, как правило, обращаются к государству как к арбитру последней инстанции; 2) имамы и иные работники духовных управлений чаще других акторов участвуют в разрешении конфликтов из-за их большего количества и доступности для верующих; 3) мусульмане Дагестана и Татарстана в основном обращаются за решением брачно-семейных вопросов, далее следуют финансово-экономические споры, исполнение обрядов и раздел наследства; 4) в силу особенностей воспитания женщины при возможности используют различные методы воздействия на противоположную сторону вместо открытого конфликта с оппонентом, что характерно для мужской части опрошенных; 5) при выборе посредника в конфликтной ситуации предпочтение отдаётся практикам доминирующей культуры («традиционной» или «светской»). Дагестанские респонденты-мусульмане в большинстве прибегают к неформальным «традиционным» практикам урегулирования споров, тогда как верующие из Татарстана предпочитают обращаться за помощью к государственным структурам, хотя и допускают религиозные практики в качестве промежуточного этапа.

И.А. Мухаметзарипов

И.Р. Гафиятуллина

Ключевые слова: шариат, религиозные институты, урегулирование конфликтов, традиции, мусульмане, Татарстан, Дагестан

Ilshat A. Mukhametzaripov¹, Ilmira R. Gafiyatullina²

^{1,2} Center of Islamic Studies of Tatarstan Academy of Sciences

^{1,2} 36a Levo-Bulatchnaya str., Kazan, 420111, Russia

¹ muhametzaripov@mail.ru; ² gafiyatulla13@gmail.com

Normative and Institutional Preferences of Muslims of Dagestan and Tatarstan: Religious Settlement of Conflicts

Abstract. The practices of religious conflict resolution among believers remain relevant in a modern society and a secular state. The authors analyzed the demand for religious institutions to settle disputes among Muslims in Dagestan and Tatarstan using the questionnaire method and considered the regional characteristics of Muslim communities, including ethno-religious composition, traditions, attitudes towards religion, socio-economic situation, and level of urbanization. According to the survey results, the following were revealed. 1) In Dagestan, religious institutions were chosen more often to resolve disputes. In Tatarstan, traditional institutions play a declining role, so respondents often turn to the state as the last resort. 2) Imams and other spiritual administration employees participate in conflict resolution more often due to their larger number and accessibility. 3) Muslims from Dagestan and Tatarstan mostly apply for matrimonial matters, followed by financial and economic disputes and the performance of religious rituals and inheritance division. 4) Due to the peculiarities of their upbringing, women try to use various methods to influence the opposing party instead of engaging in an open conflict, which is more typical for men. 5) When choosing a mediator, preference is

given to practices from the dominant culture (traditional or secular). Muslim Dagestani respondents tend to use informal traditional dispute resolution methods, while Tatars prefer seeking help from state institutions, although allowing religious practices as a temporary solution.

Key words: Sharia, religious institutions, conflict resolution, traditions, Muslims, Tatarstan, Dagestan

Введение

Целью нашего исследования являлось выявление культурных различий при выборе институтов урегулирования конфликтов мусульманами двух регионов России, отличающихся друг от друга рядом объективных параметров: этнорелигиозный состав, традиции, уровень урбанизации. В августе–ноябре 2022 г. при помощи метода «снежного кома» было проведено анкетирование 310 мусульман Татарстана и Дагестана. Анкеты распространялись как лично, так и дистанционно, с использованием электронной формы Google. В число респондентов были отобраны практикующие мусульмане преимущественно в возрасте 18–35 лет¹. Респондентам предлагалось ответить на вопросы анкеты и распространить электронную ссылку на опросник среди своих знакомых единоверцев. Инструментарий включал два блока вопросов: 1) отношение к религиозным нормам в брачно-семейной и наследственной сферах; 2) выбор религиозных институтов для урегулирования конфликтов. По блоку вопросов, затрагивающих разрешение конфликтных ситуаций, была выдвинута следующая гипотеза: в Дагестане мусульманские институты урегулирования конфликтов востребованы шире, чем в Татарстане, что связано как с особенностями социокультурного окружения, так и с сохранением роли традиционных институтов как частичной альтернативы обращению в государственные органы.

Религиозными посредниками при урегулировании конфликтов между мусульманами в регионах России выступают имамы, мусульманские ученые (алимы/улемы), медиаторы, арбитры и судьи (казыи/кадии) [Мухаметзарипов, 2022, 111–122]. В анкетах мы обозначили их как «религиозных авторитетных людей», выделив в вопросах: 1) священнослужителей (представителей духовенства); 2) специалистов-богословов (не священнослужителей); 3) единоверцев с глубоким знанием религии; 4) авторитетных общих знакомых-верующих. Представленные четыре варианта соотносятся с: 1) имамами, 2) алимами (учёными) с подтверждённым мусульманским образованием, 3) активными верующими, изучающими религию самостоятельно, и 4) уважаемыми людьми без религиозного образования.

Дополнительно респондентам было предложено выбрать предпочтительный вариант действий в гипотетической ситуации: «Ваш друг дал займы крупную сумму денег своему знакомому-единоверцу на условиях возврата, но знакомый затягивает с возвратом денег без уважительных причин. Как следует поступить другу?». В качестве ответов предложены различные варианты и их сочетания: ничего не предпринимать, переговорить с должником, выбрать в качестве посредника авторитетного религиозного человека, обратиться в государственные органы (полиция, суд). Можно было ограничиться одним вариантом из четырёх (ничего не предпринимать, переговорить с должником, обратиться к религиозному посреднику или в государственный орган) или предпочесть 2–3 варианта в рамках поэтапного урегулирования конфликта: 1) переговоры; 2) религиозный посредник; 3) государственный орган.

1. Социально-экономические и культурные особенности республик

Дагестан и Татарстан были выбраны нами для изучения востребованности институтов урегулирования конфликтов среди мусульман по следующим причинам: 1) культура населения формировалась под значительным влиянием религии; 2) ислам является частью этнической идентичности; 3) местные мусульманские деятели активны в общественно-политическом поле; 4) в республиках существуют разветвлённые структуры централизованных религиозных организаций – духовных управлений мусульман, обладающих штатным духовенством, системой мечетских приходов и учреждений религиозного образования; 5) политические элиты республик демонстрируют всяческую поддержку социально-экономической активности

официальных мусульманских объединений (строительство мечетей, участие в религиозных мероприятиях, продвижение исламских финансов и банкинга, формирование рынка товаров и услуг категории «халяль» и др.). Кроме того, на обе республики повлияла секуляризационная политика советского периода, которая выражалась в уменьшении роли ислама и арабского языка, их вытеснении из системы образования, культуры и повседневности, а также в преследовании мусульманского духовенства, ограничении деятельности мусульманских объединений, атеистической пропаганде.

Одновременно между регионами прослеживаются серьёзные различия в социально-экономическом плане, так или иначе влияющие на особенности восприятия ислама и мусульманских институтов: 1) хотя обе республики относятся к полиэтническим, в Татарстане на втором месте по численности населения – русские, исторически придерживавшиеся православия, поэтому Татарстан наряду с полиэтничностью ещё и поликонфессионален, а Дагестан – полиэтничен при доминировании представителей исламского вероисповедания; 2) Татарстан отличается высоким уровнем урбанизации (более 2/3 населения проживает в городах) при преимущественно равнинном рельефе, облегчающем коммуникацию между поселениями, тогда как в Дагестане преобладает сельское население, часть которого проживает в горной местности, что иногда затрудняет частые контакты; 3) уровень экономического благосостояния населения в Татарстане выше, чем в Дагестане; 4) среди населения Татарстана вследствие индустриализации, секуляризации и урбанизации преобладают нуклеарные семьи при существенном снижении значения родственных связей и ценностей общинного уклада, что выражается в существенном количестве межнациональных и межрелигиозных браков, а также в разительном снижении роли традиционных институтов в общественном пространстве (обычаев и роли старшего поколения, старейшин, священнослужителей) при росте востребованности нерелигиозных формальных институтов (в первую очередь, государственных органов) и неформальных личных связей.

2. Нормативный плюрализм в условиях модернизации традиционного общества

Для традиционного общества Дагестана трансформации, происходившие на протяжении XX в., не прошли бесследно и привели к сложной ситуации в нормативно-институциональном плане. В.О. Бобровников констатирует, что в республике в течение 1990–2010-х гг. исламского духовного возрождения не состоялось, несмотря на количественный рост институтов. Причины этого заключаются в ломке, произошедшей в обществе в советский и постсоветский периоды: реформы, урбанизация, секуляризация, вытеснение арабского и тюркского языков русским в сфере культуры, права и политики; снижение потребности в религиозном образовании, общий упадок культуры в 1990-х гг., экономический кризис, безработица, военные конфликты в Чечне, вызов духовным и светским властям со стороны ваххабитской оппозиции. Несмотря на первоначальное религиозное оживление, постепенно сократилось число мусульман, участвующих в публичных обрядах, многие мечети и медресе пустуют, а ислам стал для элит способом усиления авторитета. С 1994 г. единственной официальной мусульманской централизованной организацией стал ДУМ Дагестана (наследник советского ДУМ Северного Кавказа), большинство в котором составляют аварцы – последователи суфийского шейха Саида-афанди Чиркейского. Местные власти поддерживают муфтият, благодаря чему он приобрел влияние, но не повсеместное: к 2017 г. им контролировалось около 30–40% мечетских общин, что объясняется полиэтничностью республики. Кроме того, существует соперничество между суфийскими сообществами [Бобровников, 2017, 107–108, 110, 113–116].

Ряд отечественных исследователей анализирует религиозные институты регулирования конфликтов в Дагестане в рамках неинституциональной экономической теории: выбор посредников на рынке институтов, учёт сторонами трансакционных издержек и ограниченная рациональность в поведении индивидов. Так, Е.А. Варшавер и Е.А. Круглова выделили на территории Дагестана два конкурирующих порядка: «коалиционный клинч» и «исламский порядок». Коалици-

онный клинч – это ситуация динамического равновесия неформальных групп, обладающих ресурсами (должность, родственные и дружеские связи, в том числе криминального характера) для урегулирования конфликтов. Поскольку баланс сил постоянно меняется, то принятые решения актуальны лишь для текущего соотношения сил между противостоящими группами и возможен их пересмотр. Отсутствие фиксированной системы норм и санкций, их зависимость от влиятельных групп, недостаток информации о силе сторон и необходимость периодической мобилизации для отстаивания интересов группы повышает риски и издержки для участников. Альтернативой выступает «исламский порядок», основанный на 1) высокой религиозности населения, 2) разработанной системе норм, 3) авторитете религиозных посредников, 4) угрозе репутации в случае невыполнения решения, 5) исполнении решений «приставами» из числа бывших «силовых предпринимателей» 1990-х гг., ставшими религиозными [Варшавер, Круглова, 2015, 95–101].

Учёные признавали, что, несмотря на исламизацию населения, шариатизация идёт медленно, немногие обращаются к имамам для решения споров, «коалиционный клинч» глубоко укоренён в практиках, сосуществуя с «исламским порядком», а основными носителями последнего являются только сплочённые группы верующих, например, социализированные в городе представители малого и среднего бизнеса, в том числе выходцы из одного района [Варшавер, Круглова, 2015, 101–106]. В чуть более позднем исследовании И.В. Стародубровской и Е.А. Варшавера было выделено четыре группы респондентов, составляющих разнородное мусульманское сообщество Дагестана: 1) «суфии» (высоко религиозны, консервативны; в конфликтных ситуациях прибегают к помощи имамов и полагаются на их решение; меньше поддерживают самосуд); 2) «нетрадиционные» мусульмане² (высоко религиозны, ультраконсервативны; поддерживают институты параллельного религиозного правосудия, допускают самосуд; конфликты предпочитают решать вне публичного поля, задействуя личные связи); 3) «традиционалисты» (промежуточная группа, в конфликтных ситуациях могут задействовать личные связи); 4) «секулярные» (низко религиозны, придерживаются мягких религиозных установок; если спор разрешён имамом-родственником оппонента, чаще всего советуют не подчиняться решению; могут оправдывать самосуд, хотя насилие в целом не поддерживают) [Варшавер, Стародубровская, 2017, 215–220]. Получается, что в «исламском порядке» Дагестана выделяются разные группы, объединяемые не только верой, но и общностью происхождения (землячество), родственными связями, сферой деятельности, кругом знакомств, способные в случае конфликта поддержать свою коалицию в немонолитном в плане восприятия религии социуме.

К. Казенин справедливо отмечает, что противопоставление развития конфликта в рамках «коалиционного клинча» и его разрешения на основе религиозных норм не имеет абсолютного характера, поскольку, согласно полевым материалам ученого 2014–2015 гг., в рамках порядка «коалиционного клинча» стороны в некоторых случаях обосновывали свою позицию исламскими нормами и, вероятно, опорой на силовой ресурс (например, на джамаат). И, наоборот, мусульманские посредники могли решать спор и без ссылок на какие-либо исламские нормы. Исследовав функционирование религиозных институтов в сфере сделок, автор пришёл к выводу, что основной причиной обращения к «исламскому порядку» оказывалось отсутствие у пострадавшей стороны соответствующих документов (договоров, квитанций и пр.), препятствующих достижению нужного результата через светский суд. В итоге спор решался через религиозного посредника или напрямую через переговоры с другой стороной. Согласие на исламский порядок предполагало отказ сторон от иных способов защиты своих интересов, тем самым «коалиционный клинч» и силовые сценарии развития конфликта исключались. Религиозные посредники указывали лишь на правильное решение, но не брали на себя задачу по его выполнению. Повлиять на сторону могли поручители и репутационные издержки (использование неформальных связей и распространение слухов по аналогии с механизмами в сельских общинах) [Казенин, 2017, 249–257].

Приведённые выше исследования показывают, что «исламский порядок» оказывается раздробленным на несколько «исламских порядков», поскольку му-

сультане в своих предпочтениях не едины, а решения имамов всё равно могут приводить к необходимости создания коалиций для пересмотра результатов, поскольку полностью исключить кооперативную игру невозможно. Более того, невозможно говорить о противостоянии одного порядка другому как о современном для Дагестана явлении, поскольку и в прошлом имело место одновременное применение населением нескольких нормативных систем или их элементов при разрешении конфликтов. К середине XIX в. нормативная система горцев состояла из шариата и адата, основанного на обычаях и на праве сильного. При судопроизводстве по адату стороны выбирали судей, а если одна из сторон была не согласна с решением суда и отказывалась его выполнять, то она имела дело с коалицией: оппонентом, судьями и свидетелями, обязанными принудить его. По адату разбирались преимущественно дела о воровстве, наследовании, разделе недвижимого имущества, супружеских и семейных отношениях. Убийства, случаи нанесения вреда здоровью, изнасилования, оскорбления посредством избияния редко разбирались судом и решались посредством мщения [Леонтович, 1883, 232–234, 236]. Тяжущиеся выбирали между адатом и шариатом, в зависимости от того, какие нормы для них выгоднее [Леонтович, 1882, 197]. Суд по адату был судом посредническим, лишенным в основном средств принуждения, из-за чего его решения исполнялись по доброй воле судившихся, которые могли ими пренебречь в случае невыгодности для себя [Леонтович, 1883, 92]. Третейский суд (маслахат, или «мировая сделка», «соглашение») был основным источником адатов и занимал срединное положение между судом по адату (т.е. суд старейшин согласно уже существующим обычаям) и судом по шариату [Леонтович, 1882, 7–10].

Таким образом, традиционная нормативная система на Кавказе носила синкретический характер и в её рамках, как и у других народов на протяжении истории, не исключались манипулирование и злоупотребление нормами, что объясняется единством человеческой природы: сторону конфликта зачастую интересует не соблюдение правил и всеобщая справедливость, а победа над оппонентом и достижение личной цели. Когда этнорелигиозные нормы и институты стали соседствовать с российским правом, а в обществе на фоне политических и социально-экономических преобразований и кризисов распространились субкультурные и контркультурные ценности (криминальные, молодёжные и др.), то это привело к ещё большему усложнению нормативного пространства Дагестана. В частности, о неоднозначном отношении к шариатским практикам в дагестанском обществе, прикрытии криминальных разборок и наездов «шариатскими судами» упоминают В.О. Бобровников и А.А. Ярлыкапов [Бобровников, Ярлыкапов, 2013, 89–90]. Высокая религиозность индивида не означает, что в определённой ситуации он не прибегнет к нерелигиозным институтам, а религиозный порядок не исключает манипуляций с целью достижения желаемого результата. Во всех регионах России и в зарубежных странах наряду с формальными институтами урегулирования конфликтов (правоохранительными и судебными органами) можно обнаружить неформальных посредников из числа представителей органов власти, духовенства, бизнеса, криминалитета и пр. Дагестан в силу региональной специфики отличается лишь в плане процентного соотношения на «рынке институтов».

3. Выбор посредников для урегулирования споров

Обратимся к результатам проведённого нами опроса. В Дагестане респонденты обращались к представителям мусульманского духовенства (имамы, представители муфтията) для разрешения споров с единоверцами почти в 2,5–3 раза чаще, чем татарстанцы. К услугам специалистов-богословов прибегало в среднем примерно одинаковое количество респондентов в республиках, при этом мусульманские учёные заметно уступают представителям духовенства по числу обращений (табл. 1). Это объясняется, на наш взгляд, следующими факторами: 1) дипломированных специалистов по шариату, действующих как в рамках муфтиятов, так и вне системы официального духовенства, гораздо меньше, чем имамов; 2) обратиться к представителям муфтиятов удобнее: они располагаются в мечетях или в зданиях духовных управлений, чаще контактируют с населением, уровень доверия к ним со стороны местных жителей может быть выше; 3) наиболее часто возникающие

бытовые конфликты не требуют глубоких познаний в шариате и могут быть рассмотрены мечетскими имамами.

Кроме представителей муфтиятов среди респондентов востребованы медиаторы из числа единоверцев, однако здесь заметны различия. В Татарстане около 1/3 респондентов обоего пола обращались к мусульманам с глубоким знанием религии, тогда как в Дагестане такие посредники оказались более востребованы среди женщин, чем среди мужчин. Вероятное объяснение заключается в том, что мужчинам проще обратиться к имаму в мечети, поскольку это традиционно мужское пространство, тогда как женщины больше контактируют в кругу знакомых. Кроме того, обращения возможны посредством телефона и сети Интернет, чем женщины могут активно пользоваться, получая консультации от знатоков шариата. Аналогичные результаты наблюдаются и в случае обращений к авторитетным единоверцам: респондентки-дагестанки обращались к ним почти в пять раз чаще, чем мужчины, а среди татарстанских мусульман выбрали данный вариант только 1/4 – 1/3 из всех ответивших обоеих полов.

Таблица 1. К кому из авторитетных религиозных людей Вы обращались для разрешения спора с единоверцами и как часто? (%)

Варианты ответов	Священнослужитель (представитель духовенства)			
	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Обращался	91	89	20	34
Не обращался	9	11	80	66
	Специалист-богослов (не священнослужитель)			
	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Обращался	46	27	34	35
Не обращался	54	73	66	65
	Единоверец с глубоким знанием религии			
	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Обращался	47	8	29	35
Не обращался	53	92	71	65
	Просто авторитетный общий знакомый-верующий			
	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Обращался	47	9	26	30
Не обращался	53	91	74	70

Установить уровень активности религиозных институтов урегулирования конфликтов были призваны вопросы, касающиеся информированности респондентов об обращениях среди родственников, друзей или знакомых (табл. 2). Возможно, если человек не обращался за помощью или обращался редко, то он, тем не менее, знает о фактах обращения за ней других.

Таблица 2. К кому из авторитетных религиозных людей Ваши родственники, друзья или знакомые обращались для разрешения спора с единоверцами и как часто? (%)

Варианты ответов	Священнослужитель (представитель духовенства)			
	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Обращался	92	91	51	44
Не обращался	8	9	49	56
	Специалист-богослов (не священнослужитель)			
	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Обращался	92	40	31	32
Не обращался	8	60	69	68
	Единоверец с глубоким знанием религии			
	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Обращался	94	41	42	37
Не обращался	6	59	58	63
	Просто авторитетный общий знакомый-верующий			
	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Обращался	93	40	37	38
Не обращался	7	60	63	62

Подавляющее большинство респондентов Дагестана отметили, что их родственники, друзья или знакомые обращались для разрешения споров с единоверцами к священнослужителям. В Татарстане же число аналогичных ответов составило около половины опрошенных. Таким образом, роль мусульманского духовенства в урегулировании конфликтов в Дагестане оказывается гораздо выше, чем в Татарстане, что объясняется социокультурными различиями.

Интересно, что в окружении дагестанских респондентов фактов обращений к специалистам-богословам отмечено почти в 2 раза больше, чем среди татарстанских мусульман: около 66% против 32%. Примерно сходные результаты в плане обращений к единоверцам с глубоким знанием религии и к авторитетным знакомым-верующим: около 67–68% дагестанцев высказались утвердительно, тогда как среди татарстанцев подобные факты отметили лишь 38–40%. В Дагестане роль лиц, выступающих посредниками в конфликте в силу глубоких познаний в религии, опыта или особого статуса оказалась ожидаемо выше, чем в Татарстане.

4. Предмет обращений и результаты урегулирования

Интерес представляет предмет обращений мусульман (табл. 3). По частоте выборов можно определить, в каких сферах религиозные нормы и институты востребованы сильнее, и оценить регулятивный потенциал ислама в регионах для прогнозирования развития мусульманских институтов урегулирования конфликтов.

Большинство респондентов в Дагестане и значительное число татарстанцев отметили факты обращений для урегулирования вопросов брака и развода, отношений между супругами и другими членами семьи, причём дагестанцы почти в 2 раза чаще обращались для урегулирования брачно-семейных дел, что говорит о сохранении роли религиозных институтов, тогда как в Татарстане их роль в сфере семейных отношений гораздо ниже.

Вопрос об обращениях в сфере наследственных отношений потребовал дополнительной интерпретации полученных данных. Лишь 5% дагестанок и 25% дагестанцев отметили решение споров в сфере раздела наследства, тогда как в Татарстане данный вариант выбрали 27% женщин и 31% мужчин. Говорит ли это о том, что раздел наследства по шариату более актуален для жителей Татарстана, нежели для дагестанцев? Необходимо соотнести полученные ответы с региональными традициями. В Дагестане раздел наследства осуществляется при участии широкого круга родственников, с учётом адата и шариата, поэтому женщины не вступают в споры наравне с мужчинами. В Татарстане урегулирование наследственных споров согласно нормам ислама с участием авторитетного религиозного человека является скорее исключением, чем правилом, поскольку наследственные отношения в основном регулируются светскими законами. Таким образом, малое количество обращений в Дагестане говорит лишь о том, что споры с единоверцами возникают реже и раздел осуществляется согласно традиции, а в Татарстане более высокая доля обращений говорит о доле респондентов, для которых раздел по исламу действительно важен в условиях доминирования светской нормативной системы.

Ещё один вопрос выявил существенные различия между регионами в плане разграничения социальных сфер по половому признаку. В отношениях, связанных с финансовыми, имущественными и договорными обязательствами, в традиционных патрицентристских обществах преимущественно участвуют мужчины. Соответственно, мужчины в основном участвуют в качестве конфликтующих сторон в случае невыполнения обязательств. 5% дагестанок и 59% дагестанцев ожидаемо отметили в качестве предмета обращений решение споров в сфере исполнения финансовых и иных обязательств (денежный долг, возврат имущества, выполнение обязанностей по контракту и др.). В Татарстане же женщины более активно участвуют в предпринимательской и иной деятельности, связанной со сделками, поэтому данный вариант выбрали 36% женщин и 36% мужчин.

96% дагестанок и 31% дагестанцев отметили решение споров в сфере исполнения обрядов (совершение молитв, соблюдение постов, употребление пищи и др.). В Татарстане данный вариант выбрали 60% женщин и 49% мужчин. Обрядовые вопросы у татарстанцев оказались более востребованными в сравнении с другими, хотя и для дагестанцев обрядовая составляющая также важна, в особенности для женщин.

Таблица 3. С какими сферами были связаны споры с единоверцами (в которых участвовали Вы или Ваши родственники, друзья, знакомые), рассматривавшиеся при участии авторитетного религиозного человека? (%)

Предмет обращений	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Вопросы брака и развода	96	86	41	41
Отношения между супругами, другими членами семьи	93	87	32	46
Раздел наследства	5	25	27	31
Исполнение финансовых и иных обязательств (денежный долг, возврат имущества, выполнение обязанностей по контракту и др.)	5	59	36	36
Исполнение обрядов (совершение молитв, соблюдение постов, употребление пищи и др.)	96	31	60	49

Подавляющее число дагестанских респондентов отметило, что участие авторитетного религиозного человека помогало решить споры с единоверцами (табл. 4). Ни разу не обращались к такому человеку менее 1/10 опрошенных. В Татарстане положительно отзывались об участии религиозного посредника менее 1/2 мусульман, при этом ни разу не обращалась половина респондентов. В отличие от дагестанцев,

среди татарстанских респондентов ни разу не помогло обращение 6% женщин и 3% мужчин. Если среди дагестанцев 100% указали на положительный исход обращений к религиозным посредникам, то среди татарстанцев положительные отзывы оказались чуть ниже (89% женщин и 94% мужчин от всех обратившихся).

Таблица 4. Помогало ли участие авторитетного религиозного человека разрешить спор с единоверцем? (%)

Варианты ответов	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Да, помогало	92	91	49	44
Нет, не помогало	0	0	6	3
Никогда не обращались	8	9	45	53

5. Выбор религиозного посредника для урегулирования конфликта

Ситуация с возвратом крупного долга показала существенные региональные социокультурные различия между респондентами (табл. 5). Чуть более половины дагестанок выбрала вариант переговоров с должником без привлечения посредника, что превышает аналогичный выбор мужчин почти в 3,6 раза. Скорее всего это обусловлено большей дипломатичностью женщин, старающихся сохранить социальные связи и не идти на открытый конфликт, чреватый разрывом отношений и повышением напряженности. Среди татарстанцев такого варианта придерживаются 1/4 респондентов обоих полов. Наоборот, за вариант «попытаться договориться с должником и обратиться к авторитетному религиозному человеку, без обращения в государственные органы» высказались преимущественно дагестанские мужчины.

Сторонники использования всех механизмов восстановления справедливости («сначала попытаться договориться с должником, потом обратиться к авторитетному религиозному человеку, затем обратиться в государственные органы») в обоих регионах составили от 1/4 до 1/3 опрошенных. В данном случае респонденты действовали предельно рационально, стремясь прибегнуть к разным инструментам воздействия на нарушителя. Примечательно, что среди татарстанских мужчин 1/10 выбрала вариант обращения к религиозному посреднику с последующим обращением в государственные органы, без переговоров с должником. Всего же светские институты урегулирования конфликтов выбрали в среднем 38% дагестанцев и 61% татарстанцев, что опровергает выдвигаемый иногда тезис о якобы тотальном недоверии мусульман к государственным органам юстиции, хотя в Татарстане уровень доверия среди верующих респондентов оказался примерно в 1,6 раза выше, чем в Дагестане.

Религиозный посредник был выбран в качестве промежуточного этапа урегулирования конфликта примерно 88% дагестанцев и 77% татарстанцев, что также подтверждает более высокую роль религиозных институтов в Дагестане. Только около 1% от всех опрошенных предпочли сразу обратиться в суд или полицию, причём эта группа состоит из татарстанских мужчин, остальными респондентами данный вариант не был выбран ни разу. Полагаем, что это связано с естественным нежеланием большинства идти на эскалацию конфликта с единоверцем, инициировав длительные формальные процедуры, которые будет сложно обратить вспять в случае признания стороной своей вины.

Получается, что в Дагестане мужчины-мусульмане для решения серьезных финансовых споров предпочитают привлекать авторитетных религиозных людей, тогда как в Татарстане мусульмане для урегулирования денежных конфликтов стараются сочетать участие религиозного посредника с обращением в государственные институты. Всё это ставит вопрос об усилении эффективности работы государственной системы урегулирования конфликтов, повышении её привлекательности в глазах населения.

Таблица 5. Ваш друг дал займы крупную сумму денег своему знакомому-единоверцу на условиях возврата, но знакомый затягивает с возвратом денег без уважительных причин. Как следует поступить другу? (%)

Варианты ответов	Дагестан		Татарстан	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Ничего не предпринимать, т.к. грех на должнике	4	0	4	1
Попытаться договориться с должником без обращения к кому-либо	51	14	25	25
Попытаться договориться с должником и обратиться к авторитетному религиозному человеку (например, к священнослужителю, специалисту-богослову, единоверцу с глубоким знанием религии) без обращения в государственные органы	3	53	11	12
Сначала попытаться договориться с должником, потом обратиться к авторитетному религиозному человеку, затем – в государственные органы	24	27	34	29
Обратиться к авторитетному религиозному человеку, чтобы он разрешил спор с единоверцем, потом обратиться в государственные органы	0	1	0	9
Попытаться договориться с должником, потом обратиться в государственные органы	18	5	26	19
Сразу обратиться за помощью в государственные органы (полиция, суд).	0	0	0	5

Заключение

Востребованность религиозных институтов урегулирования конфликтов у проживающих в Дагестане и Татарстане мусульман по ряду аспектов существенно различается, что определяется рядом факторов: историко-культурными, социально-экономическими, политико-правовыми. Наша первоначальная гипотеза подтвердилась, но была уточнена согласно полученным результатам:

1) в Дагестане привлечение в качестве посредников авторитетных верующих может быть предпочтительнее обращения в государственные органы, в особенности в случае сомнения в скорости и эффективности работы последних, а также доступности внесудебных механизмов. В Татарстане из-за снижения роли традиционных институтов обращение в государственные органы зачастую является одним из немногих инструментов влияния на оппонента;

2) наибольшей популярностью при урегулировании конфликтов пользуются представители духовенства (имамы и другие работники муфтиятов), что объясняется их количеством и доступностью для рядовых верующих, особенно в Дагестане. Специалисты по шариату и авторитетные в силу знаний или иных причин единоверцы востребованы меньше, но в Дагестане к ним обращаются гораздо чаще, чем в Татарстане;

3) самый частый предмет обращений составляют брачно-семейные вопросы, далее следуют финансово-экономические споры, исполнение обрядов и раздел наследства. Дагестанские респонденты чуть больше татарстанцев удовлетворены итогами обращений к религиозным посредникам;

4) особенности воспитания мужчин и женщин выражаются в том, что женщины стараются использовать все возможные методы воздействия на противоположную сторону конфликта, одновременно предпочитая не переходить к открытому противостоянию для сохранения контактов. Мужчины, наоборот, чаще допускают открытое противостояние с оппонентом, эскалацию конфликта и последующий разрыв отношений;

5) в ситуации выбора респонденты руководствуются существующими практиками под воздействием доминирующей культуры («традиционной» или «светской»), выражая большее доверие формальным или неформальным институтам, религиозным или государственным. Соответственно верующие в Дагестане для урегулирования конфликтов больше выбирают традиционные неформальные, а мусульмане в Татарстане – светские формальные институты. При этом среди респондентов в обеих республиках есть значительная часть (в среднем около 28–29%, чуть больше в Татарстане), предпочитающая использовать все возможные механизмы воздействия на сторону конфликта: 1) переговоры; 2) привлечение религиозного посредника; 3) обращение в государственный орган.

Библиографический список

1. Бобровников, В.О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать пять лет спустя / В.О. Бобровников // *Islamology*. – 2017. – Т. 7. – № 1. – С. 106–121.
2. Бобровников, В.О. Реституция шариата на российском Кавказе: проблемы и перспективы / В.О. Бобровников, А.А. Ярлыкапов // *Pax Islamica*. – 2013. – № 2 (11). – С. 61–92.
3. Варшавер, Е. «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане / Е. Варшавер, Е. Круглова // *Экономическая политика*. – 2015. – № 3. – С. 89–112.
4. Варшавер, Е. Кто и почему в Дагестане оправдывает насилие? Сравнительный анализ ценностных профилей дагестанских исламских религиозных групп / Е. Варшавер, И. Стародубовская // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2017. – № 3. – С. 202–233.
5. Казенин, К. Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа К. Казенин // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2017. – № 3. – С. 234–264.
6. Леонтович, Ф.И. Адагы кавказских горцев / Ф.И. Леонтович // *Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа*. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. – Вып. I. – 439 с.
7. Леонтович, Ф.И. Адагы кавказских горцев / Ф.И. Леонтович // *Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа*. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. – Вып. II. – 396 с.
8. Мухаметзарипов, И.А. Религиозные суды, арбитражи и органы медиации в постсекулярную эпоху / И.А. Мухаметзарипов. – Казань: ФЭн, 2022. – 156 с.

Текст поступил в редакцию 01.12.2023.

Принят к печати 27.12.2023.

Опубликован 27.06.2024.

¹ В опросе приняло участие 74 жен. и 78 муж. из Дагестана, 80 жен. и 78 муж. из Татарстана, 68% респондентов в возрасте 18–35 лет, 32% старше 35 лет. Респонденты проживают в населенных пунктах Татарстана (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Зеленодольск, Елабуга, Чистополь) и Дагестана (Махачкала, Хасавюрт, Дербент, Буйнакс, Избербаш, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт). По национальной принадлежности среди татарстанских респондентов-мусульман большинство составили татары (74%), 20% представители других народов Татарстана, 6% не указали национальную принадлежность; среди дагестанских респондентов 23% составили аварцы, 21% даргинцы, 16% кумыки, 9% лезгины, 5% лакцы, 4% табасаранцы, 3% цахуры, 2% чеченцы, 10% представители других народов Дагестана, 7% не указали национальную принадлежность.

² Имеются в виду приверженцы салафитского течения в исламе, относимые властями и духовными управлениями к «нетрадиционным» мусульманам.

References

1. Bobrovnikov V.O. *Islamology* [Islamology]. 2017, vol. 7, no.1, pp. 106–121 (in Russian).
2. Bobrovnikov V.O., Yarlykapov A.A. *Pax Islamica* [World of Islam]. 2013, no. 2 (11), pp. 61–92 (in Russian).
3. Kazenin K. *Gosudarstvo, religiya, cerkov` v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, no. 3, pp. 234–264 (in Russian).

4. Leontovich F.I. *Adaty` kavkazskix gorcev. Materialy` po oby`chnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian mountaineers. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Issue I. Odessa: Tip. P.A. Zelenogo, 1882, 439 p. (in Russian).
5. Leontovich F.I. *Adaty` kavkazskix gorcev. Materialy` po oby`chnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian mountaineers. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Issue II. Odessa: Tip. P.A. Zelenogo, 1883, 396 p. (in Russian).
6. Muxametzaripov I.A. *Religiozny`e sudy`, arbitrazhi i organy` mediacii v postsekulyarnuyu epokhu* [Religious courts, arbitrations and mediation bodies in the post-secular era]. Kazan: Fen, 2022, 156 p. (in Russian).
7. Varshaver E., Kruglova E. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy]. 2015, no. 3, pp. 89–112 (in Russian).
8. Varshaver E., Starodubrovskaya I. *Gosudarstvo, religiya, cerkov` v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, no. 3, pp. 202–233 (in Russian).

Submitted for publication: December 01, 2023.

Accepted for publication: December 27, 2023.

Published: June 27, 2024.